

Оглавление

О взгляде Г.Афанасьева на историю (Михайлова Т.А.)

Предисловіе

Гл. I. Ирландія до XV в.

Гл. II. Религіозныя преследования и обезземеленіе ирландцевъ

Гл. III. Последніе Стюарты и окончательный погромъ

Гл. IV. Возстановленіе потерянныхъ правъ

Гл. V. Унія. Эмансипація католиковъ

Гл. VI. Земельныя отношенія. Феніанство. Реформы Гладстона

Гл. VII. Земельная лига и гомруль

Заключеніе

Предисловие

Мы хотели бы посвятить это издание -- Таре, той Таре, которой уже давно нет, и той Таре, следов которой скоро уже не будет. Таре -- мистической столице верховных королей Древней Ирландии, и Таре -- вечному символу ирландского духа, а вернее -- души Ирландии. Археологические раскопки показали, что Тара как реальное сооружение была возведена в период доисторический, в эпоху позднего неолита или раннего Бронзового века (т.е. примерно -- в начале второго тыс. до н.э.) и в исторический период уже была заброшена. Тем не менее, и в сагах, и в Анналах, и в Житиях ирландских святых -- повсюду и постоянно встречаются упоминания Тары как символа легитимности власти, Тары как вечной столицы Верховных королей Ирландии, Тары, как крепости, которую нельзя взять, потому что ее уже нет. Этот мистический "град" веками был скрыт в недрах вполне реальных холмов графства Мит и недоступен был никаким завоеваниям. Поэтому, может быть, Ирландия сумела выстоять и выдержать двенадцать веков рабства и угнетения (национального, культурного, религиозного, экономического) -- этой борьбе и этому противостоянию в основном и посвящена книга Г.Афанасьева. "Тара как символ, - пишет один из авторов Оксфордской энциклопедии истории Ирландии -- сохранилась в Новое время. Вокруг этого холма собирались восставшие в 1641 году, там был лагерь повстанцев и в 1798. 15 августа 1843 г. по призыву Дэниэла О'Коннола к холму Тары пришли миллион человек".

Но в мае 2005 г. правительство Ирландии, несмотря на протесты ученых и деятелей культуры всего мира, решили проложить через "поле Тары" высокоскоростное шоссе. Один их холмов был раскопан уже более 20 лет назад, все, что было найдено там, сейчас увезено в музеи и хранилища, другие холмы -- ждали своего часа. Но -- не дождутся. В общем, это, конечно, их дело, но нам этот жест кажется символическим: то, что не смогли сделать ни викинги, ни норманны, ни англичане, делают теперь сами ирландцы -- наверное, Тара как символ Ирландии им уже больше просто не нужна.

В книге "История Ирландии" о Таре не написано ничего, поскольку древним разделам там, к сожалению, почти не уделено места. И это логически вполне понятно -- автор писал не об этом, точнее -- не совсем об истории и даже не совсем об Ирландии. Примерно до 11 в. Ирландия существовала как самостоятельный организм, имеющий как свою внутреннюю логику развития, так, отчасти и сношения с внешним миром (не только набеги викингов, но и громадная миссионерская деятельность ирландцев на континенте). И рассказ о внутренних распрях, об особенностях ранней ирландской церкви, об упадке и возвышении династий, о развитии экономики страны и ее культуры и составил бы, наверное, то, что можно было бы назвать -- историей Ирландии. Историей, так сказать,

изнутри, с ирландских же позиций. Но книга Г.Афанасьева не об этом, его взгляд, хоть и очень сочувственный, но всегда -- взгляд извне, взгляд как бы сверху. Его интересный и необычайно живо написанный труд целиком посвящен описанию того, как Англия век за веком, целенаправленно, жестоко, идя на то, что в наши дни называется геноцидом, "англизировавала" этот прекрасный остров. И, наверное, все это действительно было так, но все же -- не совсем так. Книга Г.Афанасьева -- труд очень тенденциозный, хотя, в общем, как нам кажется, фактический материал излагается в ней вполне корректно и достаточно точно (по крайней мере его сопоставление как с ирландскими источниками, так и с отечественными, расхождения дает минимальные).

В чем же видим мы тенденциозность книги? Наверное, в желании автора последовательно изобразить историю ирландского народа только как непоследовательное чередование стадий -- угнетение, нищета, голод -- восстание, борьба -- труд, торговля -- восстание -- нищета, голод, угнетение -- заговор -- сельское хозяйство -- нищета И так далее. Да, наверное, все, описанное Г.Афанасьевым, правда, правдой было многовековое угнетение ирландцев англичанами, правдой был и религиозный гнет, и экономические препоны, и грабительское налогообложение и многое другое. От чтения некоторых страниц "Истории" просто волосы встают дыбом и невольно спрашиваешь себя: как же могло получиться, что дошедший до такого состояния народ смог возродиться и, как принято говорить, подарить миру столько выдающихся деятелей культуры? Как Ирландия из своих глиняных развалюх под соломенными крышами превратилась в современный уютный и комфортабельный мирок, овеваемый свежими ветрами Атлантики и убаюканный рассказами о феях, древних героях и всем таком прочем? Наверное, мы знаем ответы на эти вопросы -- Г.Афанасьев пишет в своей книге правду, правду временами страшную, но это -- не вся правда. Рисуя образ "ирландца" и описывая особенности национального менталитета, автор впадает в крайности, изображая этакий "остров контрастов". С одной стороны, "он мог жить только изо дня в день, не будучи уверенным за завтрашний. Он постоянно боялся, что вот наступит момент, когда он очутится лицом к лицу с голодной смертью и что, может быть, ему придется умереть где-нибудь в канаве, около дороги или под забором, а не то погибнуть от голодного тифа и перед смертью видеть страдания и смерть своих детей и жены. Отсутствие всякой возможности улучшить свое положение создало апатию, то состояние духа, когда человек машет рукой на все и живет, как Бог послал, не делая никаких усилий" (с.107) -- это о крестьянах. С другой, "пиры ирландцев носили грубый характер. Здесь ели и пили, что называется, до отвала, пили до тех пор, пока собутельники не сваливались и не засыпали под столом. Это было полное одичание. Эти кутящие и пьянствующие помещики относились с равным презрением к порядку, бережливости и промышленному труду" (с.110) -- это об ирландских аристократах, потомках древних королей. Это все -- о 17 веке.

На фоне рассуждений подобного рода изображение последовательной анти-ирландской политики английской короны выглядит скорее похожим на возмущенные описания массовых избиений кенгуру или уничтожения слонов, ради бивней. Даже говоря с восхищением о Глэдстоне, претворившим в жизнь мечту о "гомруле" (самоуправлении Ирландии), автор пишет, что тот видел свою задачу в "восстановлении доброго имени, чести Англии и ее политического гения, запятнанных старинным позором" (с.304). Но ирландцы, даже в самые трудные для них времена нищеты и политического и религиозного угнетения, все же всегда оставались -- людьми, народом, сумевшим сохранить свою древнюю культуру и свой национальный дух. Мы полагаем, что во многом этому способствовал ирландский язык, на котором всегда (всегда, даже в 17 веке) писались стихи, пелись песни, который учили и которому учили, которым записывали хроники и анналы, даже -- в 17 веке.

Естественно, процесс постепенного вытеснения ирландского языка английским медленно, но неизбежно приводил и к утрате национальной культуры, однако этот момент автора не интересует вообще. История народа, как полагает Г.Афанасьев, это история экономики, войн и восстаний, а также, видимо, описание деятельности отдельных лидеров. Наверное, поэтому в заключительных главах, говоря о начале национально-освободительного движения в Ирландии, он не упоминает ни о многочисленных организациях и комитетах по сохранению народной культуры и языка, ни о Гэльской лиге, которая уже существовала к моменту написания "Истории Ирландии" более 10 лет. Но, впрочем, это была организация полу-легальная, возможно ни в Киеве, где была написана эта книга, ни во Франции, где вышли основные источники ее автора об этом просто ничего известно не было.

Но вот, что интересно -- Афанасьев совершенно верно уловил главную тенденцию развития истории Ирландии конца 19 в. -- освободительная борьба, которая в результате неизбежно должна была привести к независимости. Что и случилось. Более того, в заключении к своей книге он писал о том, что "стремление поглотить другие национальности господствующей необходимо влечет за собою обострение национального чувства и сопряжено с такими страданиями и может быть будет сопряжено с такими потоками крови, перед которыми религиозные войны покажутся ничтожной игрушкой" (с.311). То есть, автор "Истории Ирландии", несмотря на последовательную сосредоточенность на экономических проблемах Ирландии, а затем -- на парламентской борьбе вокруг "ирландского вопроса", сумел верно почувствовать, откуда дует ветер свободы. Но -- только почувствовать. Говоря о "национальном чувстве" ирландцев в 1906 г., он не подозревал о том, что ждет эту страну в самые ближайшие годы. И поэтому завершающее книгу "Заключение", выглядящее как бы несколько оторванным от основного текста, предстает не столько как логическое завершение всего написанного, сколько как мистическое предвидение того, что сам автор вряд ли реально осознавал.

Но, может быть, дело тут не только в "предвидении", сколько в универсальности законов истории. Взглянув на Ирландию из своего Киева, автор увидел Чехию и Польшу, Болгарию и Сербию, увидел -- и неизбежно понял, что на самом деле движет и экономикой, и политикой.

Рукопись была завершена в Киеве в ноябре 1906 года. Тоже -- не спокойное было время, но, наверное, автор и не подозревал, что ждет в ближайшие годы его собственную страну.

Но, может быть и подозревал. Георгий Емельянович Афанасьев был в своем роде -- ярким, необычным человеком. Он родился в 1848 г., в 1869 -- закончил Одесский университет по специальности -- история Франции (экономическим проблемам этой страны были посвящены его магистерская и докторская диссертации). Затем, в должности приватдоцента Одесского университета, он параллельно с курсами истории Европы начал изучать историю торговли хлебом в России и на Украине. В 1894 г., не получив места профессора в Одессе (визможно -- из-за репутации "неблагонадежного человека"), он переехал в Киев, где занял пост директора местной конторы Государственного банка. Работая на этом посту, Афанасьев возглавил Товарищество взаимного кредита, открыл в Киеве коммерческое училище, много уделял внимания гимназиям Киева и Одессы. В 1918 г. он этот пост потерял, но когда на Украине была провозглашена Украинская держава, гетман Павел Скоропадский пригласил в новое правительство и Георгия Афанасьева, который с мая 1918 г. вошел в его состав в качестве государственного контролера, а ноябре стал министром иностранных дел. Вскоре, как и многие, разделявшие его убеждения, он был вынужден эмигрировать в Сербию. Только там, став

профессором белградского университета он смог спокойно вернуться к трудам своей молодости -- к истории. Умер Георгий Емельянович Афанасьев в Белграде в 1925 г.

Т.А.Михайлова

Об авторе

АФАНАСЬЕВ Георгий Емельянович
Историк, педагог, общественный деятель. Закончил Одесский университет в 1869 г. по специальности «история Франции». Его магистерская и докторская диссертации были посвящены экономике этой страны. Преподавал в Одесском университете; позже переехал в Киев, где работал в коммерческой сфере. После 1918 г. Г. Е. Афанасьев был вынужден эмигрировать в Сербию, где стал профессором Белградского университета и вернулся к научным занятиям.